

Гражданская солидарность в условиях пандемии COVID-19

Б. В. Сердюков

Центр социальных технологий и прикладных исследований «СФЕРА»,
Российская Федерация, 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, 47

Для цитирования: Сердюков Б. В. Гражданская солидарность в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 340–365. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.403>

Пандемия COVID-19 останется в истории одним из наиболее значимых и трагических событий 2020–2021 гг. Угроза быстрого распространения коронавируса потребовала от государственных органов различных стран решительных действий, направленных на обеспечение безопасности своего населения и недопущение массового заражения. Необходимость экстренно мобилизовать людей на борьбу с эпидемиологической угрозой в большинстве стран по всему миру актуализировала работу по построению соответствующих форм гражданской солидарности. Не стала исключением и Российская Федерация. Однако насущная потребность скоординировать этот процесс в кратчайшие сроки неизбежно привела к усиленной нагрузке на интеграционную инфраструктуру российского общества, в результате чего выявились как составляющие ее компоненты, так и присущие ей особенности, а также и те проблемы, которые обычно трудно диагностировать в обществе, находящемся в состоянии равновесия. В данной статье представлены результаты социологического исследования, посвященного анализу гражданской солидарности жителей Санкт-Петербурга в условиях угрозы распространения пандемии COVID-19. В статье представлен основанный на работах классиков социологии методологический конструкт, позволивший проанализировать специфику интегрированности петербуржцев в отношении гражданской солидарности, направленные на противодействие рискам распространения коронавируса. Охарактеризованы логика развития и структура гражданской солидарности в условиях пандемии COVID-19, проведен анализ восприятия гражданами угрозы распространения коронавируса как фактора общественной жизни и ее интеграционной значимости в контексте формирования партикулярной солидарной среды. Результатом исследования явилось описание наиболее распространенных солидаризационных практик, направленных на противодействие пандемии, и раскрытие основных факторов, оказывающих влияние на гражданское поведение жителей города.

Ключевые слова: гражданская солидарность, гражданская мобилизация, социальная солидарность.

Введение

В 2020 г. в числе значимых угроз глобальной безопасности актуализировались эпидемиологические риски международного масштаба. Всемирная организация здравоохранения (далее ВОЗ) 11 марта 2020 г. объявила вспышку распространения

коронавируса COVID-19 пандемией¹. Генеральный директор ВОЗ призвал все страны к объединению в борьбе с пандемией, обозначив этот процесс как «испытание солидарности»². Однако вместо всемирного единения в ответ на угрозу планетарного масштаба мировое сообщество столкнулось с массовыми закрытиями границ, непризнанием национальных вакцин и взаимными претензиями, в очередной раз обнаружив противоречия постглобализирующегося мира [1, с. 46], выраженные в борьбе двух фундаментальных принципов организации социального порядка (сетевое и территориальное) [2, с. 32]. Угроза распространения COVID-19 упрочила позицию большей части государств в наметившейся ранее тенденции к укреплению национальной повестки и усилению внимания к вопросам общественной безопасности [3, с. 9].

Противостояние различным вызовам национальной безопасности требует от общества готовности к широкомасштабной мобилизации, особенно в условиях угрозы мирового масштаба. Эффективность такой мобилизации определяется двумя основными факторами:

- способностью административных органов создать такую инфраструктуру гражданского участия, которая бы с достаточной эффективностью противостояла существующей угрозе;
- конъюнктивного потенциала гражданской солидарности, характерной для конкретного общества.

При этом не имеет большого значения, идет речь о национальных проектах или ресурсах общенациональной мобилизации. Наличие действующих практик и развитых институтов гражданской интеграции повышает резистентность общества, его способность проводить собственную политику.

Столкнувшись с пандемией, правительства в разных странах прибегли к серьезным, а в некоторых случаях и чрезвычайным ограничительным мерам, направленным прежде всего на обеспечение безопасной социальной дистанции между гражданами [4, с. 157]. В Российской Федерации наиболее значимыми оказались карантинные меры, в соответствии с которыми 30 марта 2020 г. на территории всей страны был объявлен период нерабочих дней, продлившийся вплоть до середины мая. Несмотря на административные запреты и санкции со стороны органов исполнительной власти, призывы к россиянам оставаться дома носили во многом рекомендательный характер, а сама мера социального дистанцирования опиралась преимущественно на сознательность граждан, добровольно самоизолирующихся в своих квартирах.

Необходимость сплотиться для противостояния общественной угрозе обнаружила ряд системных проблем, характерных для гражданских отношений в современном российском обществе. Наиболее очевидной проблемой здесь является отсутствие в обществе консенсуса по вопросам правовых оснований повседневно-

¹ Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. // Всемирная организация здравоохранения. 2020. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 15.12.2021).

² Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 18 марта 2020 г. // Всемирная организация здравоохранения. 2020. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---18-march-2020> (дата обращения: 03.06.2022).

ности, уверенно диагностируемое последнее десятилетие социологами [5, с. 160]. Исследователи отмечают: несмотря на то что россияне уважают закон и воспринимают его как средство защиты, они допускают его нарушение, оправдывая это тем, что законы не соблюдаются властью. «В российском обществе прочно закрепилось благожелательное отношение к рутинным практикам нарушения законов — прежде всего к работе в “теневой” сфере, к неуплате налогов», — резюмируют по итогам исследования правовых ценностей у россиян А. Н. Покида и Н. В. Зыбуновская [6, с. 98]. В кризисе гражданского правосознания отчетливо видны очертания современных форм социальной аномии, характерных для сложного общества [7, с. 184], поскольку избирательное отношение к праву является прямым признаком ослабления поддерживающих механизмов социального контроля, обеспечивающего «включение или удержание эго в отношениях солидарности так, чтобы у него была основа чувствовать себя безусловно в безопасности» [8, с. 76]. Выраженная таким образом аномия приобретает особенную стойкость, становясь существенным элементом мировоззрения членов общества, искажая при этом само устройство общественного сознания.

Важно то, что создание инфраструктуры противоэпидемиологической мобилизации происходило в условиях формализации гражданской солидарности, эмпатической редуцированности ее микросоциальных практик в сфере общественной безопасности. Как показало авторское исследование, проведенное в 2018 г.³, большинство дезинтеграционных факторов в сфере общественной безопасности связаны с деятельностью правоохранительных органов, что, на наш взгляд, естественно, «поскольку отсутствие общественного согласия относительно основных моментов гражданственности делает невозможным конструктивное взаимодействие между различными субъектами гражданской солидарности в области общественной безопасности» [9, с. 186].

Еще в самом начале объявленного властью локдауна исследователи в крупных мегаполисах диагностировали снижение уровня солидарности при угрозе повышенного риска заражения со смертельным исходом [10, с. 141]. Эксперты «Левада-центра» (организация признана в РФ иностранным агентом) весной 2020 г. также отмечали снижение общего уровня межличностного доверия: по результатам проведенного ими опроса половина респондентов ответили, что в ситуации эпидемии люди станут больше заботиться только о себе и «своих» [11]. Проводимые позднее социологические исследования фиксировали общее снижение институционального доверия в период нерабочих дней. В представлении граждан о государственной ответственности не укладывались повсеместное введение самоизоляции, прекращение деятельности организаций, а также штрафные санкции, введенные без необходимой поддержки со стороны органов власти. В результате, как отмечают М. О. Макушева и Т. А. Нестик, «за два месяца вынужденной самоизоляции первоначальная мобилизация сил горожан сменилась истощением и неверием в эффективность предпринимаемых государством мер сдерживания» [12, с. 435].

³ Исследование проводилось на базе ООО «Центр социальных технологий и прикладных исследований “СФЕРА”» осенью 2017 г. Эмпирическая часть включала в себя количественные (фокус-группы) и качественные (поквартирный опрос) методы. Объем выборки поквартирного опроса — 611 человек. В фокус-группах приняли участие 32 человека. География опроса — два муниципальных образования Красногвардейского района города Санкт-Петербурга (район Ржевка — Пороховые).

С развитием эпидемической ситуации стало очевидно, что граждане по-разному оценивают необходимость и целесообразность солидаризироваться в условиях пандемии. Г. Кузнецов связывает такое разделение с социально-экономическими факторами и утверждает, что оценка противоэпидемических мер определяется издержками, которые понесли те или иные группы в условиях пандемии (ковид-бенефициары, ковид-лоялисты и ковид-аутсайдеры) [13, с. 183]. В свою очередь, В. М. Воронов объясняет разделение в восприятии противоэпидемических мер историческими ценностями, сформированными еще в эпоху Просвещения и оказывающими влияние на культурные паттерны по всему миру. К таким ценностям он относит: стремление к человеческой субъектности через власть над природой (коронапаникеры и короналоялисты); экзистенциально-этическое самозабвение человека как внезапно смертного существа (коронапаникеры); стремление к индивидуальной свободе, которая понимается прежде всего как свобода воли (коронаскептики и коронадиссиденты) [14, с. 45].

Таким образом, проблематика данного исследования обусловлена, с одной стороны, неоднородностью интеграционной структуры российского социума, сложившейся в условиях открытого информационного пространства, а с другой стороны, преимущественно формализованным состоянием социальных отношений гражданской солидарности в сфере общественной безопасности как следствием интеграционного кризиса, переживаемого в настоящее время российским обществом. Важность изучения различных форм гражданской солидарности во время пандемии COVID-19 продиктована необходимостью обеспечивать консолидацию российского общества для преодоления глобальных вызовов. Эмпирический анализ гражданских интеграционных процессов в ситуации общественной угрозы позволяет обосновать преобразование социальных практик солидаризации в условиях национальной мобилизации.

В статье представлены результаты социологического исследования, целью которого являлся анализ гражданской солидарности петербуржцев в условиях эпидемической угрозы общественной безопасности. Для достижения поставленной цели были выполнены следующие исследовательские задачи: в рамках теоретического поля социологии составлен методологический конструкт, соответствующий исследовательской проблематике; проанализировано восприятие петербуржцами рисков распространения новой коронавирусной инфекции как фактора общественной жизни и угрозы безопасности; определены степень и характер интегрированности петербуржцев в противоэпидемическую область гражданской солидарности; проанализированы солидаризационные практики петербуржцев в условиях пандемии; выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на интенсивность гражданских установок в отношении мер противоэпидемической профилактики.

Сосредоточение исследовательского фокуса в рамках территориальных границ Санкт-Петербурга обусловлено необходимостью сравнения и обобщения результатов анализа с предыдущим исследованием, которое было посвящено изучению гражданской солидарности в сфере общественной безопасности. В связи с этим объектом исследования выступили совершеннолетние жители Санкт-Петербурга, проживающие на территории двух смежных муниципальных образований Красногвардейского района. Предметом исследования являлась гражданская солидар-

ность петербуржцев в условиях эпидемиологической угрозы общественной безопасности.

Исследовательская гипотеза основывалась на следующих двух допущениях:

- в условиях общественной угрозы национального масштаба структура формируемой гражданской солидарности, определяемой необходимостью мобилизации для противодействия глобальной угрозе, полностью соответствует той тенденции к эмпатической редуцированности своих экспрессивно-символических оснований, которая ранее была диагностирована на уровне микросоциальных практик в сфере общественной безопасности;
- наибольшее влияние на формирование противоэпидемических установок оказывают ценностные аспекты общественных императивов гражданского участия, а также степень интернализации экспрессивно-символических оснований формирующейся области гражданской солидарности.

Методология исследования

В целях построения методологического каркаса гражданской солидарности целесообразно прежде всего обратиться к категории социальной солидарности. Анализируя историю генезиса и развития такого понятия, как социальная солидарность, а также изменение интереса к нему со стороны социологической науки, А. Б. Гофман весьма точно подметил: «...социология много и основательно занималась и занимается тем, что в социальной жизни плохо. И это хорошо. Но она слишком мало занималась тем, что в социальной жизни хорошо. И это плохо» [15, с. 97]. Действительно, как предмет эмпирического изучения солидарность представляет собой неочевидное и трудно верифицируемое социальное состояние. И несмотря на то что в социологии солидарность признается обязательным условием для существования социального целого, ее наличие в основном постулируется как само собой разумеющееся [16, с. 17]. Солидарность как бы становится остаточной категорией, и социологам до конца не понятно, как ее изучать эмпирически.

Для определения границ изучаемого феномена необходимо обратиться к его дефинициям, содержащимся в методологическом каркасе социологических наук. Слово «солидарность» берет свое начало в римском обязательственном праве, согласно которому группа людей была связана вместе — солидарно — в равной степени ответственными за долг. Аристотель в своих рассуждениях об общественном порядке отмечал естественный характер солидарных отношений. Он утверждал: «...государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [17, с. 378].

О. Конт (A. Comte) объяснял существование в обществе социальной солидарности распределением различных видов человеческого труда. Согласно его взглядам, общество регулируется существованием двух противоположных процессов: разделением труда и человеческой кооперацией. Конт утверждал, что гражданин проецирует свое естественное стремление к интеграции с отношений в семье на остальное общество. Подчеркивая таким образом важность института семьи для формирования социальной солидарности, он тем не менее признавал необходи-

мость реализации силовых инструментов в процессе практической организации общества. «Как организация деятельности людей, общество господствует и не может не господствовать с помощью силы», — отмечал Конт [18, с. 118].

Э. Дюркгейм (E. Durkheim) также наделял общественное разделение труда ключевым значением, определяющим устройство отношений в социуме. Он утверждал, что основное предназначение общественного разделения труда — это «создавать между двумя или несколькими личностями чувство солидарности» [19, с. 63]. Наиболее наглядно, по убеждению Дюркгейма, солидарность проявляется в правовой структуре общества, обнаруживая тем самым принудительную природу социального факта — ключевой аналитической категории созданной им концепции. Хотя нормы права и являются принудительными механизмами социального регулирования, они все же сформированы самим обществом: «Чем более солидарны члены общества, тем более поддерживают они разнообразные отношения как друг с другом, так и с группой в целом» [19, с. 71].

В социологии М. Вебера (M. Weber) социальная солидарность раскрывается через представление о легитимном порядке. Как утверждал немецкий ученый, действия участников социальных отношений всегда взаимообусловлены, а сами действующие лица могут также апеллировать в своих решениях к некоторым максимам, сформировавшимся в смысловом содержании отношений [20, с. 87]. Общественное принятие установленного порядка в целом неоднородно, что выражается в уровне его эмпирической значимости [21, с. 512]. Легитимность порядка гарантируется внутренними установлениями (аффективная привязанность, религиозная подчиненность или ценностно-рациональная значимость), а также внешне, по принципу «права» (когда порядок гарантирован специальным органом) или конвенции (осуждение, имеющее ощутимые практические последствия).

В соответствии со взглядами А. Бергсона (H. Bergson), социальная солидарность основана на потребности сплотиться с соотечественниками против враждебно настроенных чужаков. Бергсон утверждал, что этот естественный инстинкт проистекает из глубин человеческой природы, подобно тому, как он является основой организации муравьев, пчел и других социальных животных [22, с. 31].

В социологии Т. Парсонса (T. Parsons) идея социальной солидарности обнаруживается в самом определении социальной системы — то есть конечной и сводной результирующей множества индивидуальных выборов, которые устанавливаются и воспроизводятся в ходе институционализации ценностных образцов, узаконивающих доступные альтернативные действия. Санкционное давление, направленное на обеспечение в обществе необходимых ориентаций, производится согласно ценностным эталонам. Парсонс утверждал, что вне социальной солидарности невозможно само существование социальной системы, поскольку культурная ценностная ориентация «в форме прав и обязанностей является фундаментальным компонентом социальной структуры» [23, с. 451–452].

В концепции символического интеракционизма идеи солидарности раскрываются через понятие социального мира. Г. Блумер (H. Blumer) утверждал, что частные миры, в которых протекает жизнь людей, состоят из множества объектов, которые, в свою очередь, создаются посредством символического взаимодействия. Эти миры являются своего рода оперативными пространствами, характеризующимися убеждениями и взглядами, сложившимися относительно тех

жизненных ситуаций, с которыми людям в этих мирах приходится сталкиваться [24, с. 87].

В рамках феноменологии А. Шюца (A. Schütz) социальная солидарность воспроизводится внутри конечных областей значения, формирующихся в мире повседневности. «Мы называем некоторый комплекс наших переживаний конечной областью значения, если все они проявляют специфический когнитивный стиль и — в отношении этого стиля — не только непротиворечивы сами по себе, но и совместимы друг с другом» [25, с. 424]. Подчиняясь подобному стилю, индивид своими внутренними переживаниями наделяет создаваемую им область значений онтологическими свойствами. Последние объединяются его восприятием в специфическую реальность. Шюц утверждал, что когнитивный стиль, тем не менее, существует не только внутри отдельного сознания, но и является той социально распределенной характеристикой, которая устанавливает структуру, содержание и границы применимости групповых культурных образцов, формирующих частную солидарную среду.

Отталкиваясь от взглядов классиков социологии, можно охарактеризовать солидарность как естественную форму социальности, воспроизводящуюся как на уровне группового взаимодействия, так и в более крупных общественных масштабах. Как интеграционный феномен, солидарность формируется вокруг экспрессивно-символической основы сообществ. При этом она преобразуется в групповые культурные образцы/эталоны (максимы), а поддерживается внешними и внутренними механизмами социального контроля. Социальная солидарность организуется в конечные области значения, устанавливаемые определенным когнитивным стилем и наделяемые сознанием человека чертами социальной реальности. Отношения социальной солидарности для человека — частные оперативные миры, в границах которых он взаимодействует с другими людьми. По своей структуре они неоднородны, поскольку человек участвует во множестве самых разнообразных отношений и исполняет одновременно роли, обладающие для него различной эмпирической значимостью, часто противоречащие друг другу.

Гражданская солидарность — разновидность социальной солидарности, воспроизводящаяся в национальном масштабе и обладающая социетальными свойствами. Актуализируясь в общественном поле, гражданская солидарность неразрывно связана со своими правовыми основами, конституирующими ее в рамках определенного территориального государства [26, с. 277–278]. Сохраняя некоторую отчужденность, члены общества, объединенные гражданской солидарностью, все же ощущают взаимную ответственность, которая предрасполагает их к жертвам и уступкам ради общества — например к участию в системе общественного разделения труда, исполнению налогового обязательства или несению обязательной воинской службы. Иначе говоря, суть гражданской солидарности в том, что гражданам не обязательно иметь личные отношения с теми, от имени которых они действуют⁴. В общественной структуре гражданская солидарность обнаруживается в качестве:

⁴ *Rubén A. G.-F.* What is solidarity? During coronavirus and always, it's more than 'we're all in this together. URL: <https://theconversation.com/what-is-solidarity-during-coronavirus-and-always-its-more-than-were-all-in-this-together-135002> (дата обращения: 12.12.2021).

- культурно-исторических императивов гражданского участия (представления об ответственности, активности, поддержке);
- экспрессивно-символических оснований общественного порядка (идеология, конституция);
- юридически конституированной общественно-нормативной среды (совокупность национальных кодексов, отдельные нормативно-правовые акты);
- институтов и практик общественного участия (участие в политике, деятельность некоммерческих организаций, правозащитная деятельность, общественная работа).

В условиях объективной общенациональной угрозы, понимаемой в самом широком смысле (стихийные бедствия, вооруженные конфликты, эпидемии) [27, с. 471], решение задачи по построению соответствующего интеграционного поля для формирования гражданской солидарности осуществляется ее основным субъектом — представительными органами государственной власти. В таком случае гражданская солидарность выражается:

- в экспрессивной интернализации (усвоении) гражданами мобилизационных символов;
- соотнесенности действий граждан с требованиями гражданской мобилизации (нормативные основания гражданской солидарности);
- реализации механизмов социального контроля — формального (отношение граждан к правовым санкциям / готовность спроецировать их действие на себя) и неформального (осуждение диссидентов / поддержка сторонников);
- общественной деятельности граждан, направленной на борьбу с национальной опасностью или устранение ее последствий (волонтерская деятельность, помощь исполнительным органам власти, содействие пострадавшим).

Представленные индикаторы были использованы при разработке практического инструментария для проведения полевого этапа исследования гражданской солидарности в условиях пандемии COVID-19.

Методика исследования

Эмпирическое исследование, направленное на изучение гражданской солидарности в условиях пандемии, проводилось специалистами Центра социальных технологий и прикладных исследований «Сфера» под руководством автора статьи. Полевой этап исследования проводился спустя месяц после окончания объявленного правительством периода нерабочих дней и осуществлялся с июля по август 2020 г. Для сбора данных был выбран метод полуструктурированного интервью, в ходе которого интервьюер в уличной обстановке задавал вопросы респондентам, отмечая подходящие ответы.

Выборка исследования составила 380 человек. Тип выборки — стратифицированная случайная с соблюдением территориального и половозрастного критериев. Район проведения исследования был разделен на локации, в границах которых случайным образом отбиралось и опрашивалось необходимое количество респондентов, относящихся к определенной категории. Основные точки опроса сосредоточивались вокруг парков и скверов, спортивных и детских площадок, магазинов и торговых центров, а также остановок общественного транспорта. Продолжительность

каждого интервью составила от 10 до 15 минут. Половозрастные пропорции, представленные в собранной выборке, соответствуют общегородским с незначительными отклонениями. Ошибка выборки с вероятностью 95 % не превышает $\pm 5,02$ %.

География исследования сосредоточена в границах района Ржевка — Пороховые, что накладывает некоторые ограничения на репрезентативность данных в масштабах всего города, состоящего из 18 административных районов, включая города-спутники и его исторический центр. Тем не менее Ржевка — Пороховые представляет собой типовую многоэтажную застройку, характерную для спальных районов города, на территории которых проживает большинство петербуржцев. В этом смысле выводы, основанные на изучении полученной выборки, можно с высокой долей вероятности считать применимыми и к большинству населения Санкт-Петербурга.

Обработка и последующий анализ полученных данных производились с использованием прикладного статистического пакета SPSS. Для обнаружения факторов, оказывающих влияние на интенсивность установок гражданской солидарности, использовался коэффициент корреляции Пирсона, рассчитанный программным образом. За значимые факторы принимались лишь те, в отношении которых величина указанного коэффициента имела статистически достоверное значение. Далее представлено описание полученных результатов, упорядоченное в соответствии с исследовательскими задачами на четыре основных параграфа.

Пандемия COVID-19 как фактор общественной жизни

Пандемия коронавирусной инфекции и меры, направленные на ее сдерживание, оказали значимое влияние на жизнь петербуржцев. Отвечая на вопрос «Как изменилась ваша жизнь за последние 5 месяцев?», наибольшее число респондентов указали, что на момент опроса их жизнь изменилась в худшую сторону (20,8 % — ухудшилась значительно, 23,2 % — стала несколько хуже). Сопоставимое число опрошенных указали, что их жизнь не изменилась (44,5 % от общего числа опрошенных). О том, что жизнь улучшилась, заявил лишь каждый десятый опрошенный (3,7 % ответили, что жизнь стала значительно лучше; 7,9 % — что жизнь лишь несколько улучшилась). Корреляционный анализ полученных распределений позволяет утверждать, что многие из опрошенных петербуржцев связывают изменения в жизни, произошедшие с ними за последние 5 месяцев, с ухудшением материального благополучия ($r=0,38$, $p \leq 0,01$), а также состоянием здоровья ($r=0,24$, $p \leq 0,01$), в том числе психологического ($r=0,31$, $p \leq 0,01$).

Несмотря на трудности и ограничения, вызванные пандемией, петербуржцы оптимистично оценили шансы на стабилизацию ситуации. Отвечая на вопрос «С какими чувствами Вы смотрите в будущее?», большинство из них продемонстрировали положительный настрой, отметив, что смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом (43,2 % от общего числа респондентов). Вторая по значимости группа проявила более сдержанные взгляды, отметив, что ожидают будущих событий спокойно, но без особых надежд и иллюзий (34,5 % от общего числа респондентов). Негативные последствия отразились и на ожиданиях петербуржцев, в связи с чем каждый четвертый опрошенный отвечал, что на момент опроса смотрит в будущее с тревогой и неуверенностью (17,1 %), а некоторые — что будущее вселяет в них

страх или даже отчаяние (5,3 %). Корреляционный анализ, произведенный в ходе аналитической обработки полученных данных, позволяет утверждать, что среди факторов, оказывающих влияние на настрой петербуржцев, наиболее значимым было ухудшение психоэмоционального состояния ($r=0,30$; $p \leq 0,01$) и их материального благополучия ($r=0,21$; $p \leq 0,01$).

Наиболее ощутимыми для граждан оказались экономические последствия от введения нерабочих дней (табл. 1). Каждый второй участник опроса в ходе интервью утверждал, что карантинные меры негативно отразились на финансовом состоянии его семьи (49,5 % всех опрошенных). Ухудшение финансового благосостояния во многом вызвано ограничениями на ведение экономической деятельности, что повлекло за собой рост числа безработных. Так, по результатам опроса удалось установить, что 13,2 % респондентов потеряли работу после введения локдауна весной 2020 г. Доля тех, кому удалось адаптироваться и организовать новые источники заработка, оказалась сопоставимой с теми, кто потерял работу (13,2 % всех респондентов), однако в их числе лишь 3,7 % новоиспеченных безработных. Следовательно, итогами введения нерабочих дней стала неутешительная статистика — примерно каждый десятый петербуржец потерял работу и не смог ее восполнить другими источниками заработка.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Отражают ли перечисленные суждения перемены, произошедшие с Вами за время карантина?»

Суждения	% от общего числа респондентов		
	отражают	не отражают	затрудняюсь ответить
Карантинные меры негативно отразились на финансовом состоянии моей семьи	49,5	45,5	5
Я успел(а) сделать много дел, которые ранее откладывал(а) из-за нехватки времени	36,1	57,1	6,8
В результате карантина у меня ухудшилось психоэмоциональное состояние (эмоциональное истощение, депрессии, тревожность)	31,1	63,7	5,2
Во время карантина мне удалось укрепить отношения с близкими людьми	30	53,4	16,6
Из-за постоянного пребывания дома во время карантина у меня заметно ухудшилось состояние здоровья	27,4	58,9	13,7
Находясь дома, я наконец-то остался(лась) наедине с собой и смог(ла) многое обдумать	26,6	56,6	16,8
Мне с трудом даются дистанционные формы работы/обучения	21,6	39,2	39,2
За время карантина мне удалось освоить новые формы работы/обучения (например, дистанционные)	20,8	66,6	12,6
В моем окружении были люди, которые скончались от коронавируса	16,1	78,6	5,3
За время карантина мне удалось найти новые источники заработка	13,2	82,1	4,7
Из-за карантина я потерял(а) работу	13,2	78,4	8,4
За время карантина у меня испортились отношения с близкими людьми, проживающими вместе со мной	10	83,9	6,1

Финансовые трудности в совокупности с необходимостью соблюдать строгий режим самоизоляции и, как следствие, нарушение привычного течения повседневной жизни негативно повлияли на здоровье петербуржцев. В первую очередь это коснулось их внутреннего самочувствия. По результатам опроса треть респондентов (31,1 % от общего числа опрошенных) отметили у себя ухудшение психоэмоционального состояния во время нерабочих дней. Примерно столько же опрошенных (27,4 % от всех респондентов) утверждали, что из-за постоянного пребывания дома во время карантина у них заметно ухудшилось состояние здоровья. Тем не менее многим удалось адаптироваться к изменившимся условиям и использовать высвободившееся время для саморазвития. Среди позитивных факторов, связанных с необходимостью соблюдать режим самоизоляции и оставаться дома, многие петербуржцы отмечали возможность решить давно отложенные дела и наладить общение с близкими людьми. В ходе опроса каждый третий респондент отмечал, что он успел сделать много дел, которые ранее откладывал из-за нехватки времени (36,1 % опрошенных), а каждый четвертый утверждал, что, находясь дома, наконец-то остался наедине с собой и смог многое обдумать (26,6 % опрошенных). Среди опрошенных каждый пятый заявил, что ему удалось освоить новые (дистанционные) формы работы или обучения (20,8 % от всех респондентов), и такая же часть отметила, что это им дается с трудом (21,6 % от всех респондентов).

Вынужденное соседство повлияло и на взаимоотношения между людьми, проходящими самоизоляцию совместно. Многие участники опроса утверждали, что взаимоотношения с близкими людьми по истечении карантинных мер изменились. Большинство опрошенных отметили изменения в лучшую сторону (30 % от всех респондентов). В то же время каждый десятый (10 % от всех опрошенных) ответил, что отношения с близкими людьми, проживающими совместно во время самоизоляции, испортились.

Следует также отметить, что среди опрошенных петербуржцев оказалось немало тех, в чьем окружении были люди, скончавшиеся от коронавируса (16,1 % от всех респондентов). Корреляционный анализ показал, что такое трагическое событие не оказало сколько-либо существенного влияния на гражданские установки и гражданское поведение опрошенных.

Несмотря на масштаб угрозы и ощутимые последствия от введения противоэпидемических ограничительных мер, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 на момент опроса не оценивалась петербуржцами как наиболее значимый фактор обыденной жизни. В их восприятии угроза распространения коронавируса уступала по значимости таким общественным проблемам, как коррупция в органах власти, халатность чиновников или высокие цены на продовольственные товары (табл. 2). Как часть общественной жизни пандемия COVID-19 имеет ряд общих черт с озвученными гражданами вопросами: первая — как та, так и другие имеют общественный масштаб, оказывают влияние на всех граждан; вторая — ключевым субъектом в обоих случаях выступают представители органов государственной власти, что свидетельствует о явном недостатке институционального доверия у граждан по отношению к государству. Иначе говоря, чем меньше граждане доверяют государственным органам, тем меньшую значимость для них имеет проблематика распространения пандемии. И наоборот, как отмечает Ю. В. Латов по итогам аналитического исследования, направленного на изучение институцио-

нального доверия, его значимости как социального капитала современной России: «...россияне с более высоким уровнем институционального доверия демонстрируют повышенную лояльность к антиковидным мерам...» [28, с. 175].

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие факторы обыденной жизни вызывают у людей наибольшее беспокойство?»

Факторы обыденной жизни	% от общего числа респондентов
Коррупция в органах власти	65,0
Высокие цены на повседневные товары	65,0
Халатность чиновников	57,6
Эпидемия коронавирусной инфекции	51,7
Международная обстановка	31,6
Разбитые дороги	29,2
Пробки на дорогах	27,3
Высокий уровень преступности	27,3
Нелегальная торговля и торговля контрафактной продукцией	20,4
Техногенные аварии	19,6
Массовые скопления людей	13,5
Неисправный и плохо работающий общественный транспорт	12,2

Таким образом, можно констатировать, что пандемия COVID-19 как медико-социальное явление в момент проведения опроса оказывала существенное влияние на общественную жизнь петербуржцев. Внушительность произведенных ею последствий отразилась в оценках и взглядах респондентов, что позволяет говорить о пандемии как об экспрессивно значимом событии, обладающем достаточным символическим значением для образования в обществе партикулярной солидарной среды. В то же время восприятие петербуржцами рисков распространения коронавирусной инфекции как угрозы общественной безопасности во многом определено низким уровнем институционального доверия.

Установки гражданской солидарности

Для того чтобы оценить различные аспекты включенности петербуржцев в противоэпидемическое поле гражданской солидарности, респондентов просили оценить 12 соответствующих суждений, представленных в произвольном порядке. Далее для удобства анализа и интерпретации данные суждения были сгруппированы в соответствии с представляемыми ими характеристиками.

Первая группа суждений была направлена на оценку уровня экспрессивной интернализации гражданами противоэпидемических солидаризационных символов (табл. 3). Основным смысловым конструктом, позволяющим устойчиво организовать действия, направленные на сдерживание общественной угрозы в условиях пандемии, является убежденность в неприемлемости и непреодолимости

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные суждения отражают Вашу точку зрения в отношении мер противодействия эпидемии COVID-19?»

№	Суждения	% от общего числа респондентов				
		Категорически не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
1	Каждый должен переболеть этим вирусом, чтобы приобрести необходимый иммунитет	35	13,4	25	13,7	12,9
2	Опасность, связанная с распространением коронавирусной инфекции, во многом преувеличена	18,4	15,5	19,2	17,7	29,2
3	Ношение средств индивидуальной защиты позволит человеку избежать заражения коронавирусом и обезопасит окружающих	29,2	13,9	8,9	21,3	26,7

последствий от заражения человека коронавирусом. Результаты опроса показывают, что степень экспрессивной вовлеченности граждан в противоэпидемическую проблематику на момент проведения исследования была достаточно низкой. Несмотря на то что большинство опрошенных считали перспективу заразиться COVID-19 неприемлемой (48,4 % от всех опрошенных), четверть участников опроса оказались все же убеждены — COVID-19 должен переболеть каждый, в результате чего будет приобретен необходимый иммунитет (26,6 % от всех опрошенных). В оценках значимости угрозы распространения коронавируса петербуржцы разделились на две практически равнозначные группы: тех, кто считает опасность преувеличенной (46,9 % от всех опрошенных), и тех, кто убежден в обратном (43,1 % от всех опрошенных).

Еще одним смысловым конструктом, имеющим большое значение для организации противоэпидемических мероприятий, является убежденность граждан в эффективности средств индивидуальной защиты (далее СИЗ) для предотвращения заражения. Проведенный опрос показал, что эта установка на момент опроса не находила должного отклика практически у половины опрошенных, отказывающихся им в эффективности (43,1 % от всех опрошенных). Учитывая, что данная установка наделяет значимостью большую часть профилактических и карантинных мероприятий, можно отметить у граждан низкий уровень эмпатического восприятия солидаризационных символов в «постлокдаунный» период.

Вторая группа суждений, оцениваемых участниками опроса, была направлена на анализ интенсивности императивов гражданского участия посредством изучения соответствующих установок в оценках респондентов (табл. 4). Проведенный

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные суждения отражают Вашу точку зрения в отношении мер противодействия эпидемии коронавируса COVID-19?»

№	Суждения	% от общего числа респондентов				
		Категорически не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
1	Без слаженных действий всех граждан сдержать угрозу распространения коронавируса невозможно	11,6	7,1	13,7	16,6	51
2	Каждый гражданин сам свободен решать, следует ли ему находиться на самоизоляции и соблюдать прочие карантинные меры	28,2	15	9,7	12,4	34,7
3	Карантинные меры не могут соблюдать люди, которым необходимо зарабатывать деньги	14,7	5,7	12,2	12,9	54,5

опрос показал, что потенциал интеграции в вопросах борьбы с пандемией среди петербуржцев весьма высок, однако носит неоднородный характер. Несмотря на то что необходимость кооперации с целью обеспечения общественной безопасности осознается и принимается большинством петербуржцев (67,6% от всех опрошенных), практически каждый пятый участник опроса выразил нежелание объединяться с соотечественниками по данному поводу (18,7% от всех опрошенных). Примечательно, что половина петербуржцев (47,1% от всех опрошенных) оставили за собой право принимать решение, следовать ограничительным и профилактическим мерам, направленным на сдерживание эпидемии, или игнорировать их. В случаях же, когда интеграция в противоэпидемическое поле гражданской солидарности грозила обернуться серьезными финансовыми рисками или другими материальными издержками, большинство опрошенных оправдали людей, нарушающих ограничения (67,4% от всех опрошенных). Обобщая, можно отметить, что в солидаризационных установках петербуржцев достаточно сильны индивидуалистические настроения, а сама интеграция в противоэпидемическое поле гражданской солидарности на момент проведения опроса воспринималась большинством опрошенных «факультативно».

В третью группу были включены суждения, направленные на изучение противоэпидемических аспектов социального контроля (табл. 5). Эмпатическая отчужденность большей части петербуржцев, формально солидаризирующихся в условиях пандемии коронавируса, нашла отражение в высоком уровне гражданского недоверия, выявленном в ходе данного исследования. Опрос показал: многие

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные суждения отражают Вашу точку зрения в отношении мер противодействия эпидемии коронавируса COVID-19?»

№	Суждения	% от общего числа респондентов				
		Категорически не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
1	Люди придерживаются карантинных мер только потому, что за их несоблюдение предусмотрена административная или уголовная ответственность	26,6	21,5	11,1	21,3	19,5
2	Многие люди соблюдают меры предосторожности формально, чтобы избежать осуждения	14,4	13,7	15,3	29,2	27,4

петербуржцы на момент исследования были убеждены, что их соотечественники соблюдают противоэпидемические меры только потому, что за их нарушением следует административная или уголовная ответственность (40,8 % от всех опрошенных). Несмотря на подчеркнутую формализацию социальных отношений, такая оценка свидетельствует о достаточно высокой эффективности формальных компонентов противоэпидемического социального контроля, организующих солидарное поведение граждан, тем более что большинство респондентов считают, что их соотечественники соблюдают карантинные меры формально, дабы избежать осуждения (56,6 % от всех опрошенных).

В четвертую группу вошли оценки интеграционной роли государства в части формирования инфраструктуры гражданского участия, направленной на противодействие эпидемической угрозе (табл. 6). Как показал опрос, в большинстве своем петербуржцы считают, что государство не смогло в период введенных им нерабочих дней создать достаточные условия для того, чтобы граждане соблюдали режим самоизоляции (50,3 % от всех опрошенных). Некоторый патернализм в суждениях респондентов объясним, поскольку такого рода мобилизация неизбежно должна была привести к серьезным неудобствам и трудностям, на которые граждане, впрочем, исходя из опроса, были готовы пойти для обеспечения общественной безопасности (66,9 % от всех опрошенных). Тем не менее большинство опрошенных негативно оценили солидаризирующую функцию государства, оказавшегося неспособным интегрировать вокруг противоэпидемической проблематики большинство граждан, игнорирующих требования по соблюдению мер профилактики распространения коронавируса (54,8 % от всех опрошенных). В результате большинство опрошенных петербуржцев по итогам опроса высказали убежденность, что негативные последствия от введения карантинных мер значительно превысили их конечную пользу (49,8 % от общего числа респондентов).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные суждения отражают Вашу точку зрения в отношении мер противодействия эпидемии коронавируса COVID-19?»

№	Суждения	% от общего числа респондентов				
		Категорически не согласен	Скорее не согласен	Загрудняюсь ответить	Скорее согласен	Совершенно согласен
1	В период карантина были созданы благоприятные условия для соблюдения самоизоляции, связанные с переходом на дистанционную форму работы/обучения	35,5	14,8	16,8	13,9	19
2	Ради обеспечения общественной безопасности можно потерпеть даже серьезные неудобства и трудности	11,3	8,1	13,7	18,7	48,2
3	Меры профилактики коронавируса малоэффективны, поскольку большинство их не соблюдает	9,4	11,3	24,5	18,7	36,1
4	Негативные последствия от введения карантинных мер значительно превышают их конечную пользу	14,4	9,7	26,1	17,4	32,4

Включенность петербуржцев в противоэпидемическую проблематику гражданской солидарности носила на момент опроса неоднородный характер. Отвечая на вопрос «Насколько меры по противодействию распространения коронавируса (COVID-19) важны для обеспечения общественной безопасности РФ?», лишь немногим более половины всех опрошенных признали важность карантинных мер для сдерживания эпидемии (61,1 % опрошенных). Из них 29,9% утверждали, что предпринимаемые меры очень важны, а 33,2% — скорее важны. Доля тех, кто считает меры по противодействию распространения COVID-19 лишенными эффективности, оказалась также достаточно велика (6,6% — скорее не важны; 7,6% — совсем не важны).

Иначе говоря, далеко не все граждане восприняли риск распространения COVID-19 как угрозу общественной безопасности. Анализ установок гражданской солидарности показал: многие петербуржцы разделяют идеи, занижающие значимость пандемии COVID-19 как общественной угрозы. Такого рода взгляды

направлены на критику действий, предпринимаемых органами власти, а также формализацию или полное игнорирование противоэпидемической солидарности. Комплементарность названных установок позволяет говорить о существовании внутри гражданской солидарности интегрированного поля, противопоставляемого жителями города официальному мобилизационному дискурсу, направленному на сдерживание угрозы распространения коронавирусной инфекции.

Таким образом, структура гражданской солидарности, направленной на противодействие пандемии COVID-19, продемонстрировала высокую долю формализации и эмпатической редуцированности своих символических оснований, в результате чего отмечается низкий уровень эмпирической значимости образованного ею порядка.

Солидаризационные практики петербуржцев в условиях пандемии

В условиях эпидемиологической угрозы гражданская солидарность наиболее явно выражается в соотнесенности действий граждан с требованиями социальной мобилизации. Для того чтобы оценить, насколько петербуржцы оказались интегрированы в противоэпидемические солидаризационные практики, респондентам задавался следующий вопрос: «Какие из мер, направленных на противодействие распространению коронавирусной инфекции, Вы соблюдали?» Ответы на данный вопрос позволили оценить, каким образом культурные эталоны поведения, связанные с необходимостью противостоять эпидемиологической угрозе, отразились в поступках граждан.

Как показало исследование, петербуржцы в большинстве своем соблюдали личные меры профилактики, связанные с использованием в общественных местах таких средств индивидуальной защиты, как маска и перчатки (86,3 % всех опрошенных), а также с усиленной личной гигиеной (79,7 % от общего числа респондентов). В отношении остальных мер, требующих существенных издержек (социальных и материальных), жители города проявили большую избирательность. Доля опрошенных, соблюдавших социальную дистанцию во время нерабочих дней, составила 70,8 % от всех опрошенных, а хуже всего петербуржцы соблюдали режим самоизоляции (63,2 % от всех респондентов). Такая ситуация не является исключением для Санкт-Петербурга, поскольку полученные нами данные в целом соответствуют федеральным показателям — по данным общероссийского социологического опроса, проведенного в апреле 2020 г., 67 % россиян в период режима нерабочих дней чаще оставались дома [29, с. 10].

Доля ковид-скептиков, утверждавших в рамках опроса, что они не соблюдали ничего из вышеперечисленного, составила 6,1 % от всех опрошенных. Последующий анализ не выявил каких-либо социально-демографических характеристик, отличающих эту группу респондентов, однако в большинстве своем «уклонисты» придерживаются дезинтеграционных взглядов, освобождающих их от необходимости соотносить свои действия с противоэпидемическими установками гражданской солидарности.

Таким образом, подтверждается сформулированный выше тезис о некотором формализме, проявляющемся в гражданских установках петербуржцев, удовлетво-

ряющих те требования социальной мобилизации, которые не влекут социальных последствий или серьезных расходов. В такого рода избирательности по отношению к нормативным основаниям гражданской солидарности проявляется кризис социальной аномии, интеграционная логика которого допускает рутинные практики нарушения закона.

Также следует отметить, что весьма значимым элементом гражданской солидарности, который формируется в условиях эпидемиологической угрозы, является участие добровольцев в общественной деятельности, направленной на борьбу с распространением вируса или оказание содействия в устранении его последствий, помощи пострадавшим. Для того чтобы охарактеризовать такого рода солидаризационные практики, петербуржцам задавался следующий вопрос: «Приходилось ли Вам за время карантинных мероприятий принимать участие в какого-либо рода волонтерской, благотворительной деятельности?» Лишь 6,3 % от принявших участие в опросе петербуржцев ответили утвердительно. Данный вопрос носил открытый характер, а анализ полученных ответов позволил выделить две основные формы практикуемой среди граждан кооперации: участие в деятельности волонтерских организаций и неформальные солидаризационные практики.

Первая форма связана с организованной волонтерской деятельностью (3,4 % от всех опрошенных), в рамках которой граждане выступали донорами крови, доставляли продукты пожилым людям или раздавали личные вещи. Полученные нами результаты в целом соответствуют данным, опубликованным в августе 2020 г. центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, в соответствии с которыми после начала эпидемии коронавируса в организованной волонтерской деятельности принимали участие не более 3 % россиян. Согласно их данным, пандемия не повлияла на количество людей, принимающих участие в деятельности волонтерских организаций, однако «период коронавируса привел к потере существенной доли “опытных” волонтеров. Так, почти каждый четвертый, занимающийся волонтерским трудом в 2019 г., в период эпидемии стал уделять добровольческой работе меньше времени (27 %)», — отмечают И. В. Мерсианова и Н. В. Иванова [29, с. 122].

Вторая форма гражданского участия связана с неформальными солидаризационными практиками, направленными на помощь нуждающимся соседям и близким людям (2,3 % от всех опрошенных). В рамках таких практик люди осуществляли раздачу школьных продуктовых наборов тем гражданам, кто больше нуждается, помогали пожилым людям, живущим по соседству, а также посылали деньги в приюты для животных. Данная тенденция характерна не только для российского общества. Зарубежные исследователи отмечают, что в большинстве стран, столкнувшихся с эпидемией COVID-19, наблюдается такой интеграционный феномен, как неформальная солидарность — то есть такое явление, как «проявление гражданских или социальных инициатив, источником и участником которых являются отдельные граждане или группы граждан, действующие без прямой связи с государством и, как правило, противопоставляющие свои действия и идеи существующим устоявшимся институтам и нормам» [30, с. 123].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на рост индивидуалистических настроений, в обществе на момент опроса образовался значительный интеграционный потенциал, находящий отражение в неформальных солидариза-

ционных практиках. В то же время изменения в структуре организованного волонтерского движения свидетельствуют о недостаточной эффективности некоммерческих институтов гражданского участия, способных лишь частично реализовать интеграционный потенциал, образовавшийся в ходе формирования противоэпидемических форм гражданской солидарности.

Факторы интенсивности установок гражданской солидарности

Факторы, оказывающие наибольшее влияние на интенсивность гражданских установок в отношении мер противодействия COVID-19, выявлялись с помощью использования корреляционного анализа. Далее представлены наиболее значимые коэффициенты (табл. 7).

Самое значительное влияние на вовлеченность граждан в противоэпидемические солидаризационные практики оказывает интенсивность разделяемых ими императивов гражданского участия, а также общая включенность в коронавирусную проблематику. Меньшее влияние на вовлечение граждан в соответствующие солидаризационные практики оказали негативные последствия, явившиеся результатом введения периода нерабочих дней, а также последствия самого заражения COVID-19.

Значительное влияние на готовность следовать солидаризационным установкам оказал возраст респондента и род его занятий. Данное утверждение верно в части соблюдения гражданами режима самоизоляции, а также сохранения социальной дистанции с людьми из группы риска. Повышенное внимание к названным практикам характерно в большей степени для пожилых людей, что, на наш взгляд, связано с ростом вместе с возрастом респондентов и рисков заражения, протекающего в тяжелой форме. Стоит учитывать и образ жизни опрошенных пенсионеров, большинство из которых на момент опроса нигде не работали.

Также на готовность оставаться дома в период нерабочих дней оказал характер трудовой деятельности человека (табл. 8). Высокий уровень дисциплины в этом вопросе продемонстрировали те социальные группы, члены которых могут проводить в местах проживания значительное время (безработные, пенсионеры, домохозяйки). Примечательно, что к их числу относятся и люди, занимающие социально ориентированные должности, оплачиваемые в большинстве своем из бюджетных средств.

Таким образом, можно констатировать, что негативные последствия пандемии COVID-19 не оказали существенного влияния на гражданское поведение петербуржцев, определяемое в большей степени их гражданской позицией и включенностью в противоэпидемическую проблематику. Структурный анализ ответов подтвердил обозначенный во введении рост индивидуалистических настроений в условиях потенциальной опасности заражения со смертельным исходом.

Выводы и рекомендации

Пандемия COVID-19 оказала значительное и в большей степени негативное влияние на жизнь петербуржцев, закрепившись в общественном восприятии как национальная угроза. Тем не менее гражданская солидарность, направленная на

Таблица 7. Результаты корреляционного анализа

№	Вопросы	Какие из мер, направленных на противодействие распространению коронавирусной инфекции, Вы соблюдали?				
		Ношение СИЗ в общественных местах	Усиленная личная гигиена	Соблюдение социальной дистанции	Избегание контактов с людьми из «группы риска»	Соблюдение режима самоизоляции
1	Насколько меры по противодействию распространения коронавируса (COVID-19) важны для обеспечения общественной безопасности РФ?	-0,196**	-0,284**	-0,265**	-0,254**	-0,260**
2	Без слаженных действий всех граждан сдерживать угрозу распространения коронавируса невозможно	0,197**	0,187**	0,244**	0,181**	0,263**
3	Ради обеспечения общественной безопасности можно потерпеть даже серьезные неудобства и трудности	0,246**	0,154**	0,264**	0,172**	0,141**
4	Карантинные меры негативно отразились на финансовом состоянии моей семьи	-0,106	-0,169**	-0,102*	-0,114	-0,117
5	В моем окружении были люди, которые скончались от коронавируса	-0,010	-0,077	-0,103*	-0,067	0,074
6	Из-за карантина я потерял(а) работу	0,009	0,019	0,072	0,031	0,017
7	Пол респондента	0,088	0,145**	0,145**	0,162	0,246**
8	Возраст респондента	0,154**	0,163**	0,296	0,206	0,202**
9	Род занятий	0,001	0,040	0,107*	0,118*	0,239**

Примечания: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Таблица 8. Доля респондентов, указавших, что они не находились в период нерабочих дней на самоизоляции, в зависимости от рода их занятий

Ваш род занятий	% от общего числа респондентов, указавших определенный род занятий
Временно неработающий, инвалид, иждивенец	10,5
Пенсионер (неработающий)	18,3
Домохозяйка	20,0
Специалист-гуманитарий с высшим образованием (учитель, врач, юрист, бухгалтер, дизайнер...)	22,2
Специалист-техник с высшим образованием (инженер, программист...)	36,4
Другое	38,1
Технический персонал со средним образованием (техник, секретарь, медсестра...)	46,2
Руководитель среднего, высшего звена	47,6
Работник сферы обслуживания (продавец, повар, парикмахер...)	50,0
Учащийся, студент	54,5
Квалифицированный рабочий (станочник, водитель...)	56,3
Неквалифицированный рабочий (грузчик, уборщица, дворник...)	58,8
Индивидуальный предприниматель	70,0

противостояние распространению заболевания, по прошествии периода нерабочих дней так и не обрела в обществе абсолютного характера. Как показало исследование, многие граждане в этот период придерживались дезинтеграционных взглядов, исключающих солидаризацию по данному вопросу. Преодоление же образовавшегося разрыва, включение в гражданскую солидарность дистанцирующихся от нее групп невозможно без поддержания в общественном информационном поле последовательного и конструктивного диалога со сторонниками отличающихся друг от друга точек зрения по различным аспектам проводимой мобилизации. Исключение из соответствующего дискурса какой-либо части гражданского общества, имеющей мнение в отношении обсуждаемого вопроса, отличное от официального, непременно усилит отчужденность и радикализацию сомневающихся групп населения.

В условиях пандемии структура гражданской солидарности, направленной на противодействие глобальной угрозе, воспроизвела тенденцию к эмпатической редуцированности своих экспрессивно-символических оснований, характерную для российского общества, переживающего кризис социальной аномии. Данная тенденция нашла свое отражение в росте индивидуалистских настроений, а также некоторой избирательности, продемонстрированной опрошенными гражданами в отношении соблюдения мер профилактики коронавируса. И все же образовавшаяся в обществе солидарность произвела интеграционный импульс, выразившийся в росте неформальных солидаризационных практик, многие из которых на момент

опроса не смогли инкорпорироваться в уже сложившиеся формы гражданского участия.

Для повышения эффективности мобилизационных мероприятий необходимо создавать адаптивные информационно-коммуникационные инструменты, позволяющие координировать усилия гражданских субъектов, тем самым развивая интеграционный потенциал, образующийся в процессе построения гражданской солидарности. Работа в этой области чрезвычайно важна. Гражданские организации продемонстрировали в борьбе с пандемией высокую эффективность, оперативно отреагировав на запрос о необходимой помощи на местах. Во многих странах они взяли на себя значимую роль в предоставлении медицинской помощи и психологической поддержки. Гражданские объединения предоставляли продукты питания, средства индивидуальной защиты и предметы первой необходимости, часто заполняя пустоту, образовавшуюся из-за медлительности государства⁵.

Произведенный в статье анализ позволил определить наиболее значимые факторы, оказывающие влияние на формирование солидаристских установок у петербуржцев. К таким факторам можно отнести интернализацию на индивидуальном уровне общественных императивов гражданского участия, а также экспрессивно-символических оснований гражданской солидарности. В связи с этим можно констатировать, что эффективность управленческих мер, направленных на интенсификацию гражданского участия в части противостояния пандемии, зависит в большей степени от целенаправленной работы по построению в обществе гражданской солидарности, развитой системы гражданских ценностей. Данная работа должна производиться в российском обществе системно, а ее основная цель — преодоление современных форм социальной аномии. Без этого противостояние национальным вызовам, требующим обширной гражданской мобилизации, будет каждый раз сталкиваться с кризисом правосознания и институционального доверия, наделяемым в общественном восприятии чертами общественного договора.

Заключение

Необходимо отметить, что наличие в обществе развитой системы гражданской солидарности является важным условием обеспечения национальной резистентности в противоречивых условиях постглобализирующегося мира. В ситуации существующей угрозы общественной безопасности гражданская солидарность выступает в роли производителя и одновременно в качестве интегратора объединяющих смыслов. Проведенное нами исследование позволило описать структуру гражданской солидарности и определить факторы, оказывающие на нее наибольшее влияние. Обе исследовательские гипотезы в ходе проведения исследования подтвердились.

Теоретико-методологическая модель, предложенная нами для изучения гражданской солидарности в условиях общественной угрозы, подтвердила свою состоятельность и эвристический потенциал. Исследовательская работа в этой области позволит детально изучить социокультурные ресурсы, необходимые для граждан-

⁵ Solidarity in the time of COVID-19. Civil society responses to the pandemic. URL: https://civicus.org/documents/reports-and-publications/SOCS/2020/solidarity-in-the-time-of-covid-19_en.pdf (дата обращения: 23.12.2021).

ской солидарности в условиях угрозы национальной безопасности, вне зависимости от того, идет ли речь о пандемии, вооруженном конфликте или природных/техногенных катастрофах.

Основным недостатком представленного исследования является сосредоточение выборочной совокупности в территориальных рамках муниципального масштаба, в результате чего существенно ограничивается его репрезентативный потенциал. Также в числе недостатков можно назвать существенный временной разрыв между эмпирическим и аналитическим исследовательскими этапами, а также отсутствие качественных методов, используемых для содержательного раскрытия факторов, обуславливающих развитие изучаемого феномена.

Литература

1. *Иванов Д. В.* Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
2. *Яницкий О. Н.* Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39.
3. *Мау В. А.* Экономика и политика 2019–2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 5–27.
4. *Щетинина И. В.* Государственные ограничительные меры в условиях пандемии и их социально-экономические последствия // ЭКО. 2020. № 5. С. 156–174.
5. *Кошарная Г. Б.* Гражданское общество как фактор реализации консолидационных процессов российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 154–162.
6. *Покида А. Н.* Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 92–99.
7. *Мещерякова Н. Н.* Особенности анонии в современном российском обществе: синергетический подход: дис. ... д-ра социол. наук. М.: МГИМО, 2015.
8. *Поверинов И. Е., Писачкин Д. В.* Социальный контроль в системе социологического знания // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2 (22). С. 74–82.
9. *Сердюков Б. В.* Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 172–189.
10. *Решетников А. В.* Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143.
11. Гражданское общество в самоизоляции // Левада-Центр*. 2020. 03.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/03/grazhdanskoe-obshhestvo-v-samoizolyatsii/> (дата обращения: 06.03.2022).
12. *Макушева М. О.* Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447.
13. *Прощай, COVID?* / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
14. *Воронов В. М.* Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 1 (21). С. 41–68.
15. *Гофман А. Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник. М., 2012. С. 97–167.
16. *Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д.* Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 14–23.
17. *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 4 / общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983.
18. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М.: Прогресс-Политика, 1992.

* Признан иностранным агентом Министерством юстиции РФ.

19. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер с фр. А. Б. Гофмана; примеч. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996.
20. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
21. Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990.
22. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
23. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002.
24. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017.
25. Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
26. Хабермас Ю. Политические работы / сост. А. В. Денежкина. М.: Праксис, 2005.
27. Кравченко С. А. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013.
28. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.
29. «Черный лебедь» в белой маске: аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
30. Лункин Р. Н. Неформальная солидарность на фоне пандемии // Научно-аналитический вестник института Европы РАН. 2020. № 4. С. 122–128.

Статья поступила в редакцию 10 марта 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Сердюков Борис Владимирович — serd_bv@mail.ru

Civic solidarity in the context of the COVID-19 pandemic

B. V. Serdyukov

Centre for Social Technologies and Applied Research “SPHERE” Ltd,
47, ul. Blagodatnaya, St Petersburg, 196105, Russian Federation

For citation: Serdyukov B. V. Civic solidarity in the context of the COVID-19 pandemic. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 340–365.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.403> (In Russian)

The COVID-19 pandemic will remain in history as one of the most significant and tragic events that took place in 2020–2021. The threat of rapid distribution of coronavirus demanded from state bodies of various countries of decisive actions. These actions were aimed at ensuring the safety of their population, as well as to prevent mass infection of the population. The need to urgently mobilize people to combat the epidemiological threat made urgent work to build the appropriate forms of civil solidarity. The Russian Federation also took part in this process. However, the urgent need to coordinate this process in the shortest possible time inevitably led to increased load on the integration infrastructure of Russian society. As a result of such a load, this integration structure and its inherent features became more understandable. In this process, it was also possible to identify those problems that are usually difficult to diagnose in a society in a state of balance. This article presents the results of a sociological study devoted to the analysis of the civil solidarity of residents of St Petersburg in the face of the threat of the spread of pandemic COVID-19. The work presents a methodological construct based on the works of classics of sociology. This construct made it possible to analyze the specifics of

the integration of Petersburgers into those relations of civic solidarity that make it possible to counteract the risks of coronavirus spread. The article describes the logic of development and the structure of civic solidarity in the conditions of the COVID-19 pandemic. The article also analyzed by citizens the perception of the threat of coronavirus distribution as a factor in public life and its integration significance in the context of the formation of a particular joint environment. The result of the study was a description of the most common solidarization practices aimed at counteracting the pandemic, and the disclosure of the main factors that affect the civil behavior of the city's inhabitants.

Keywords: civic solidarity, civil mobilization, social solidarity.

References

1. Ivanov D.V. Augmented modernity: effects of post-globalization and post-virtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 5, pp. 44–55. (In Russian)
2. Yanitsky O.N. Challenges and risks of globalization. Seven theses. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2019, no. 1, pp. 29–39. (In Russian)
3. Mau V.A. Economics and politics in 2019–2020: global challenges and national answers. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 3, pp. 5–27. (In Russian)
4. Shchetinina I.V. Public restrictions during pandemic and their socio-economic consequences. *Ekho*, 2020, no. 5, pp. 156–174. (In Russian)
5. Kosharnaya G.B., Tolubaeva L.T. Civil society as a realization factor of consolidation processes of the Russian society. *Isvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 2015, no. 2 (34), pp. 154–162. (In Russian)
6. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Legal values of the Russian population. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 1, pp. 92–99. (In Russian)
7. Meshheryakova N.N. *Features of anomia in the contemporary Russian society: synergistic approach*. Dr. Sci. (Sociological Sciences) diss. Moscow, MGIMO University, 2015. (In Russian)
8. Poverinov I.E., Pisachkin D.V. The social control in the system of sociological knowledge. *Gumanitarii: aktualnye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*, 2013, no. 2 (22), pp. 74–82. (In Russian)
9. Serdyukov B.V. Civil solidarity in the sphere of public security. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, iss. 2, pp. 172–189. (In Russian)
10. Reshetnikov A.V., Prisyazhnaya N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N.Yu. Perception of the COVID-19 pandemic by Moscow residents. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 7, pp. 138–143. (In Russian)
11. Civil society in self-isolation. *Levada-center**, 2020, 03.04. Available at: <https://www.levada.ru/2020/04/03/grazhdanskoe-obshchestvo-v-samoizolyatsii/> (accessed: 06.03.2022). (In Russian)
12. Makusheva M.O., Nestik T.A. Socio-psychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2020, no. 6, pp. 427–447. (In Russian)
13. *Goodbye, Covid? / Gaaze K., Danilov V., Dudenkova I., Krlechina D., Safonova P.* (eds). Moscow: Gaidar Institute Press, 2020. (In Russian)
14. Voronov V.M. The COVID-19 pandemic as an existential and cultural event: groups, new cultural boundaries, and the phenomenon of mood (a case of study of the Russian society). *Zhurnal frontirnykh issledovaniia*, 2021, no. 1 (21), pp. 41–68. (In Russian)
15. Gofman A.B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. *Sotsiologicheskii ezhegodnik*. Moscow, 2012, pp. 97–167. (In Russian)
16. Kovrigina G.D., Karmadonov O.A. The non-obvious solidarity: the problem of empirical study of hardly verified social states. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2018, no. 10, pp. 14–23. (In Russian)
17. Aristotle. *Works*, in 4 vols. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983. (In Russian)
18. Aron R. *Stages of Development of Sociological Thought*. Gurevich P.S. (ed.). Moscow, Progress-Politika Publ., 1992. (In Russian)
19. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. Moscow, Kanon Publ., 1996. (In Russian)
20. Weber M. *Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology*, in 4 vols. Moscow, HSE Press, 2016. (In Russian)

* Center is considered in Russian Federation as a foreign agent.

21. Weber M. *Collected works*. Moscow, Progress Publ., 1990. (In Russian)
22. Bergson H. *The Two Sources of Morality and Religion*. Moscow, Kanon Publ., 1994. (In Russian)
23. Parsons T. *The Structure of Social Action*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2002. (In Russian)
24. Blumer H. *Symbolic interactionism: Perspective and method*. Moscow, Elementarnie formy Publ., 2017. (In Russian)
25. Schütz A. *A world that shines with meaning*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. (In Russian)
26. Habermas J. *Political works*. Moscow, Praxis Publ., 2005. (In Russian)
27. Kravchenko S. A. *Sociological Explanatory Russian-English Dictionary*. Moscow, MGIMO-University Press, 2013. (In Russian)
28. Latov Yu. V. Institutional trust as a social capital in modern Russia (on the results of monitoring). *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2021, no. 5, pp. 161–175. (In Russian)
29. “Black Swan” in a white mask. *Analytical report to the anniversary of the pandemia COVID-19*. Plaksin S. M., Zhulin A. B., Farizova S. A. (eds). Moscow: HSE Press, 2021. (In Russian)
30. Lunkin R. N. Informal solidarity in the context of pandemic. *Nauchno-analiticheskii vestnik instituta Evropy RAN*, 2020, no. 4, pp. 122–128. (In Russian)

Received: March 10, 2022
Accepted: October 31, 2022

Author’s information:

Boris V. Serdyukov — serd_bv@mail.ru